

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-97-121

О.Е. Казьмина, Т.Д. Соловей

**ГЕНЕАЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ:
КАФЕДРА, ЛИЧНОСТИ, ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА
Г.Е. МАРКОВА)**

О.Е. Kaz'mina, T.D. Solovey

**GENEALOGY OF UNIVERSITY ETHNOGRAPHY:
DEPARTMENT, PERSONALITIES, TRADITION
TRANSMISSION (TO THE 100th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PROFESSOR G.E. MARKOV)**

Аннотация. Данная статья — дань памяти и уважения крупному российскому этнологу, археологу и историку первобытного общества, доктору исторических наук, профессору кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Геннадию Евгеньевичу Маркову. Авторы поставили задачу дать развернутый анализ научного вклада и жизненного пути выдающегося советского/российского ученого, поместив изложение в широкий социокультурный и интеллектуальный контекст, вписав судьбу человека в судьбу страны и общества. Биография Г.Е. Маркова тесно связана с историей кафедры этнографии/этнологии истфака МГУ и выступает серьезным основанием для реконструкции генезиса университетской этнографии и ее динамики на протяжении без малого 85 лет. Столь солидный срок существования университетской кафедры и ее устойчивая результа-

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kaz'mina Olga Evgenyevna, Doctor in History, Head of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

Соловей Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solovey Tatiana Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsolovei19@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7453-297X

Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурного наследия».

тивность в деле подготовки профессиональных кадров в существенной степени были обеспечены высокой квалификацией научно-педагогических кадров, опорой на прочные теоретико-методологические основания и междисциплинарность, сочетанием здорового консерватизма с гибкостью и адаптивностью в отношении вызовов времени, способностью сохранять дисциплинарный континуитет и обеспечивать трансляцию цеховой традиции. Все эти составляющие успешного развития университетской этнологии подвергнуты в статье всестороннему и взвешенному анализу. Научная и человеческая биография Г.Е. Маркова — во всех проявлениях ее типичности и особенности — составляет смысловой стержень анализа и изложения. Авторы предлагают свой взгляд на сложные и остро дискуссионные вопросы профессионального самоопределения, касающиеся логики научного открытия, соотношения полевых и кабинетных исследований, влияния идеологии и политики на научную мысль. В статье представлено авторское видение перспектив развития кафедры этнологии, исходящее из гармоничного сочетания этнологического и антропологического подходов к пониманию дисциплинарных рамок, безусловной опоры на научную традицию и ее интеллектуальные авторитеты, необходимости усовершенствования методов учебной подготовки в направлении инструментальности и практико-ориентированного характера, что позволит выпускникам кафедры быть востребованными и оставаться в профессии.

Ключевые слова: кафедра этнологии, советская этнография, история первобытного общества, религиоведение, нomaдология (кочевниковедение), история немецкой этнологии и народоведения, междисциплинарность.

Abstract. The article is a tribute of respect to the memory of Gennady Evgenyevich Markov, a major Russian ethnologist, archaeologist and historian of primitive society, doctor in history, professor of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. The authors provide a detailed analysis of the scientific contribution and life path of the outstanding Soviet/Russian scholar and place their narrative in a broad socio-cultural and intellectual context of the country and society. G.E. Markov's biography is closely connected with the history of the Department of Ethnography/Ethnology at the Faculty of History, Moscow State University and serves as a serious basis for reconstructing the genesis of university ethnography and its dynamics over the course of nearly 85 years. Such a long period of existence of the university department and its sustainable effectiveness in training professional staff were essentially ensured by the high qualification of scientific and pedagogical staff, reliance on solid theoretical and methodological foundations and interdisciplinarity, a combination of conservatism with flexibility and adaptability to the challenges of the time, the ability to preserve disciplinary continuity and ensure the transmission of the scholarly tradition. All these components of the successful development of university ethnology are subjected to a comprehensive and balanced examination in the article. G.E. Markov's biography in all its typical and special manifestations forms the semantic core of the analysis and presentation. The authors offer their view on complex and sharply debatable issues of professional self-determination,

the logic of scientific discovery, the correlation between field and desk research, the influence of ideology and politics on scientific thought. The article presents the authors' vision of the prospects for the development of the Department of Ethnology, based on a harmonious combination of ethnological and anthropological approaches to understanding the disciplinary framework, unconditional reliance on scholarly tradition and its authorities, the need to improve the methods of training in terms of instrumentality and practice-oriented nature, which will allow graduates of the department to be in demand and stay in the profession.

Keywords: Department of Ethnology, Soviet ethnography, history of primitive society, religious studies, nomadology (nomadic studies), history of German ethnology and folk studies, interdisciplinarity.

* * *

21 июня 2023 г. исполнилось сто лет со дня рождения Г.Е. Маркова (1923–2018), выдающегося российского ученого. Масштаб личности Геннадия Евгеньевича Маркова, величина его вклада в науку и образование, его след в истории кафедры этнологии исторического факультета Московского университета таковы, что его юбилей заставляет нас, его преемников, не только почтить его память, вспомнить его научную биографию, посмотреть на нее в контексте развития кафедры, но и «сверить часы» — взглянуть на генеалогию российской этнографии/этнологии, прежде всего университетской, и осмыслить современные задачи, стоящие перед цеховым этнологическим сообществом и кафедрой этнологии.

Становление этнографии/этнологии как университетской дисциплины восходит еще к середине 80-х гг. XIX века и деятельности Д.Н. Анучина. В 1925–1930 гг. в МГУ существовал этнологический факультет, на котором работало немало учеников и последователей Д.Н. Анучина, расформированный из-за идеологизации гуманитарного образования. Восстановление институционализации дисциплины, а вместе с ней рождение кафедры этнографии произошло лишь в 1939 г. От этой вехи университетские этнографы/этнологи ведут свою профессиональную «родословную», самоопределяясь в отношении впечатляющей плеяды учителей и предшественников. Одно из самых значительных мест в цеховой традиции занимает доктор исторических наук профессор Г.Е. Марков. Его жизнь и научная биография тесно связаны с Московским университетом и кафедрой, которую он возглавлял в 1973–1986 гг. Крупный ученый и автор ряда прорывных открытий и идей, блестящий лектор и педагог, эффективный организатор науки, настоящий русский интеллигент и яркий харизматик Марков выступал и выступает воплощением большого стиля в науке и бесспорной системой соотнесения для многих поколений ученых-этнологов.

Без малого 85 лет существования кафедры этнографии/этнологии — это одновременно драматический и вдохновляющий путь становления, поиска своего места в системе гуманитарного знания, кристаллизации структурных оснований, непрерывного совершенствования форм и методов профессиональной подготовки. На каждом этапе истории страны и общества кафедре приходилось отвечать на вызовы времени и решать специфические задачи, вытекающие из структуры момента.

На долю первого заведующего, историка-востоковеда, этнографа и археолога С.П. Толстова¹, возглавлявшего кафедру в 1939–1952 гг., выпала титаническая задача: совершить в корпорации профессиональных историков перелом от взгляда на этнографию как сугубо описательную и вспомогательную (при истории) дисциплину до признания ее наукой, равноценной в семье исторических дисциплин, обладающей собственным предметом и качественной спецификой. От этого зависела перспектива этнографического образования в СССР, ведь в унифицировавшейся системе высшего образования Московский университет все заметнее выступал в качестве эталонного, задающего образцы.

Поиск оптимальной формы организации этнографической подготовки в контексте исторического образования, обеспечение учебного процесса учебно-методической литературой и наглядными пособиями, получение ресурсов для финансирования экспедиций и материального обеспечения студентов и преподавателей — вот далеко не полный перечень проблем, удовлетворительное решение которых было обеспечено усилиями и организаторскими способностями С.П. Толстова². Укреплению позиций кафедры этнографии в системе исторического образования способствовало и то, что С.П. Толстов в 1943–1945 гг. был деканом факультета.

Являясь одновременно директором Института этнографии АН СССР, С.П. Толстов пригласил на кафедру блестящих ученых, совмещавших преподавание с научной работой в институте. Среди первого состава преподавателей кафедры были С.А. Токарев, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Чичеров, Е.М. Шилинг, Б.И. Шаревская. У них довелось учиться студенту Маркову.

¹ Подробнее о нем см.: *Раннопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин.* Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 184–233.

² Подробнее см.: *Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004. С. 251–264.

Тогда, в первый период существования кафедры, формировались основы ее учебной программы, сочетавшей общетеоретические курсы, включая теоретические подходы к изучению первобытного общества, курсы по этнографии регионов — зарубежных и отечественных, и серьезную полевую подготовку. И в теоретических курсах, и в региональных поддерживалась мощная междисциплинарная составляющая. Для этнографического изучения привлекались данные смежных дисциплин: археологии, физической антропологии, лингвистики, географии. С самого начала закладывалось и тесное взаимодействие академической науки и науки вузовской, обеспечивавшее устойчивое развитие обеих ветвей.

С 1952 г. С.П. Толстов полностью сосредоточился на работе в Институте этнографии АН СССР, передав кафедру видному историку, антропологу и этнографу Н.Н. Чебоксарову³ (заведовал кафедрой до 1956 г.). Проблема институционализации кафедры была успешно решена, а на повестке дня стояла задача дальнейшего развития профессионального обучения. Обширная эрудиция Н.Н. Чебоксарова, его способность ставить наиболее животрепещущие проблемы теории и практики этнологической науки имели своим результатом расширение концептуальной рамки этнографии: Н.Н. Чебоксаров первым привлек внимание студентов к проблеме теории этноса и этнических процессов. Становилась более разнообразной и предметная тематика.

Состоявшаяся институционализация университетской этнологии и формирование концепции этнографического образования ознаменовались подготовкой собственных преподавательских кадров⁴. Первой выпускницей кафедры, пополнившей ее преподавательский состав в 1949 г., стала К.И. Козлова. В 1953 г. еще три выпускника начали преподавать на кафедре этнографии. Это были Г.Е. Марков, М.В. Витов и Г.Г. Громов. С этого момента и до конца своих дней Г.Е. Марков трудился на кафедре.

С середины 1950-х гг. меняется характер взаимодействия между государством и гуманитарной наукой. Новый режим можно назвать патерналистским. Если в целом для этнографии политика государственного патернализма имела амбивалентные последствия, то на развитие науки в университете и в системе высшего образования вообще ее влияние было позитивным. Начатая Московским университетом институционализация этнографии как учебной дисциплины

³ Подробнее о нем см.: *Решетов А.М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века.* С. 358–397.

⁴ Подробнее см.: *Соловей Т.Д.* Указ. соч. С. 251–264.

приобрела в 1960–1970-е гг. общесоюзный размах: этнография получила статус обязательного предмета и стала неотъемлемой частью исторического образования в крупнейших университетах страны. Кафедра этнографии МГУ достигла положения головной в системе профессионального образования. Незаурядные научные достижения заслужили университетской этнографии высокую репутацию в стране и за ее пределами⁵.

В период с 1956 по 1973 г. кафедрой руководил ученый-энциклопедист, крупнейший этнограф и религиовед С.А. Токарев⁶. Это было время, когда авторитет университетской этнографии, ее учебный и научный статус были на высоте и не подвергались сомнению. В 1958 г. выходит ставший знаменитым учебник С.А. Токарева «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры»⁷, написанный им на основе читавшегося на кафедре этнографии, а позже и в других советских и зарубежных вузах курса лекций, учебник, не потерявший своей научной значимости по сей день. А десятилетием позже, в 1968 г., под редакцией С.А. Токарева выходит первый вузовский учебник «Основы этнографии»⁸.

Со времен С.А. Токарева традиционным исследовательским направлением кафедры стало изучение истории этнологической науки — западной и отечественной. По этой тематике им были написаны труды, долгое время остававшиеся основными в подготовке студентов⁹. Еще одним направлением, прочно вошедшим в тот период в тематику кафедры при С.А. Токареве, стало религиоведение. Его перу принадлежит целый ряд блестящих фундаментальных работ, посвященных изучению религии¹⁰.

Благоприятные условия развития науки и образования отнюдь не означали отсутствия напряженности и внутридисциплинарных коллизий и проблем. И здесь многое зависело от личности руководителя. Так, именно в «токаревский» период заметно снизилась (по

⁵ Подробнее см.: там же. С. 294–309.

⁶ Подробнее о нем см.: Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). М., 1995; Козлов С.Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. С. 397–450.

⁷ Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

⁸ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968.

⁹ Токарев С.А. История русской этнографии (Дюоктябрьский период). М., 1966; Он же. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978; Он же. История зарубежной этнографии. Учеб. пособие. М., 1978.

¹⁰ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957; Он же. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Он же. Религия в истории народов мира. М., 1964.

сравнению с 1950-ми гг.) интенсивность научных связей двух крупнейших этнологических центров советской столицы — академического института и университетской кафедры. Шло размежевание университетской и академической науки в Москве, характерное, впрочем, не только для этнографии. Отчасти оно было вызвано институциональной конкуренцией, отчасти — традиционно присущим системе высшего образования большим консерватизмом по сравнению с академической наукой, более открытой новым веяниям и готовой к экспериментам. Напряженность и коллизии институциональных отношений во многом проистекали также из непростых личных отношений директора (до 1965 г.) Института этнографии АН СССР С.П. Толстова и С.А. Токарева, который помимо заведования кафедрой возглавлял институтский сектор. Косвенным подтверждением предположения о влиянии личного фактора на институциональные отношения может служить тенденция к нормализации связей профильного института и университетской кафедры этнографии после того, как в 1973 г. заведующим кафедрой стал Г.Е. Марков.

Есть все основания полагать, что на рубеже 1960–1970-х гг. кафедра этнографии МГУ вступила в фазу своего расцвета, подобно тому, как расцвет переживала советская наука в целом. Государственная политика, выражавшаяся в стабильной поддержке этнографии, хорошем финансовом обеспечении значительных масштабов экспедиционно-полевой работы, поддержании высокого социального статуса науки и престижа ученых, бесперебойном притоке свежих кадров в науку, стимулировала успешное поступательное развитие университетской этнографии.

Г.Е. Марков¹¹ руководил кафедрой этнографии с 1973 по 1986 г. Яркий ученый и организатор науки, он воплощал самые сильные стороны советской науки того периода. Вместе с тем он демонстрировал и определенную инаковость по сравнению с нормативистскими характеристиками советского ученого. Масштабная фигура Г.Е. Маркова заслуживает специального историографического анализа. Его научная биография взламывала историографические и науковедческие аксиомы, касающиеся логики научных открытий, соотношения полевых и кабинетных исследований, влияния идеологии и политики на науку.

¹¹ Подробнее о нем см.: *Аникин Н.В., Соловей Т.Д.* Авторитетный исследователь, талантливый педагог и крупный организатор науки. (К 90-летию со дня рождения и 60-летию научной и педагогической деятельности д.и.н., профессора Г.Е. Маркова) // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею профессора Г.Е. Маркова. Сб. научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. М., 2013. С. 7–12.

Г.Е. Марков рос в семье потомственных русских интеллигентов, которую, к счастью, миновали жестокие и противоречивые события 1930-х гг. XX в. В юношеские годы его интересы и увлечения — история и этнография Азии — сформировались под влиянием дяди, известного археолога и этнолога В.Н. Чернецова. Великую Отечественную войну Г.Е. Марков прошел с первых дней до победного мая 1945 г. Несколько наград, боевой опыт и свободное владение немецким языком открывали перед ним возможность блестящей военной карьеры. В послевоенном контексте это казалось едва ли не лучшим способом самореализации. Но Г.Е. Марков делает неожиданный для многих выбор в пользу науки. Об этом он вспоминал в своем последнем интервью: «Меня моя военная специальность как-то не увлекала <...> Я хотел учиться, заниматься этнографией, и я начал писать заявления, написал в общей сложности 15 заявлений. В конечном счете, меня отпустили и дали бумажку. Когда потом в Москве разные начальники смотрели на эту бумажку, они глазам своим не верили — там было написано “уволен по личной просьбе”»¹². В студенческие и аспирантские годы на кафедре этнографии МГУ (1946–1954) проявились такие личностные константы исследователя, как последовательность и основательность. Еще студентом Г.Е. Марков возглавил этнографический отряд Хорезмской экспедиции, сумев проложить собственную исследовательскую колею в изучении Средней Азии в ситуации, когда эта сфера (цивилизация Хорезма) была фактически монополизирована амбициозным и не терпевшим конкуренции С.П. Толстовым.

Первая, аспирантская, научная статья Г.Е. Маркова была издана в 1954 г. в Англии в очень авторитетном научном журнале¹³ — факт весьма редкий, а по тем временам просто невиданный, свидетельствующий о научной зрелости и большом потенциале молодого ученого. Кандидатская диссертация, посвященная истории формирования северных туркмен, была успешно защищена в том же году. Здесь надо иметь в виду, что востоковедная проблематика находилась на пике интеллектуальной моды и одновременно являлась одним из императивов советской политики модернизации, т.е. представляла собой весьма конкурентную среду, где Г.Е. Марков не потерялся, обозначив серьезные научные позиции.

Не в последнюю очередь этот успех вытекал из того, что молодой исследователь обнаружил редкую способность сочетать эмпириче-

¹² Аникин Н.В., Соловей Т.Д. Интервью с Г.Е. Марковым // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. С. 24.

¹³ *Markov G. The Turkmen population of the Khorasm oasis // Asian Review. N 184. Vol. 1. October 1954. P. 22–39.*

скую полевую и аналитико-теоретическую работу, демонстрируя одинаково высокий уровень в этих качественно различных формах научной активности и оставаясь и в дальнейшем верным этому подходу. Тридцать полевых сезонов Г.Е. Маркова в Средней Азии (преимущественно в Туркмении) позволили ему не просто собрать и обобщить огромный фактический материал, но и выстроить на его основе глубокие теоретические конструкции. «Поле» в этом случае было инструментом познания, верификации научных гипотез. Постепенно наметился заметный крен в пользу поля археологического и этноархеологии как перспективного синтеза двух дисциплин, как действительно работающего эвристического междисциплинарного проекта. Междисциплинарность Г.Е. Маркова — это не механистическое соединение элементов разных дисциплин, а вклад в каждую из них. Его в плане цеховой принадлежности считают своим и этнологи, и археологи. Коллекция памятников неолита и мезолита западной части Центральной Азии, собранная Г.Е. Марковым за время возглавляемой им Туркестанской археолого-этнографической экспедиции МГУ и Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР (1958–1980 гг.) (часть ее хранится в МГУ имени М.В. Ломоносова), до сих пор вызывает большой научный интерес специалистов. В частности, на протяжении нескольких последних лет археологи из Сибирского отделения РАН приезжали на кафедру этнологии, чтобы поработать с предметами этой коллекции. С целью изучения кочевых племен Западного Туркменистана в широкой исторической перспективе Г.Е. Марковым в этой экспедиции были исследованы ключевые памятники мезолита и неолита западной части Центральной Азии — Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Оюклы 1–3 и другие. На основе собранных материалов экспедиции с помощью этно-археологического подхода Г.Е. Марков выдвинул гипотезу о том, что на территории Восточного и Южного Прикаспия, Кызылкума, Центрального Ирана и Северного Ирака существовала Каспийская археологическая этнокультурная провинция¹⁴. Современные археологические исследования подтвердили эту гипотезу.

Научное становление Маркова происходило в совсем не простом политико-идеологическом контексте. Во второй половине 1950-х гг. завершилась первая дискуссия об «азиатском способе производства», сопровождавшаяся «оргвыводами» (а ранее, в 1930-е гг., — репрессиями). Сталинская классификация этнических общностей, соотношенная с формационными стадиями марксистской версии эво-

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Марков Г.Е.* Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // *История материальной культуры Узбекистана.* Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 60–67.

люционизма, по-прежнему составляла методологическую основу советской этнографии. А в изучении социалистической модернизации и этнонационального строительства преобладала специфическая тональность научных интерпретаций: «Все республики в СССР считались равными в их историческом уровне, т.е. они (само)утверждались как государственные образования с классовой структурой общества, мифическими или реальными героями-предками»¹⁵. Такой идеологический и методологический контекст способствовал рождению в бурных дискуссиях 1950–1960-х гг. монументального конструкта «кочевого феодализма», за которым стояли «мастодонты» этнографической науки М.П. Грязнов, С.П. Толстов, Л.П. Потапов, чья научная репутация подкреплялась административными постами и званиями. Хотя после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС началась постепенная гуманизация социального пространства, а «боязнь мыслить иначе, чем велит начальство, стала постепенно проходить»¹⁶, интеллектуальная и морально-психологическая инерция была еще очень сильна и характерна многим ученым — многим, но не Г.Е. Маркову.

В 1954 г. Г.Е. Марков защищает кандидатскую диссертацию «Формирование туркмен Хорезмского оазиса». Она базировалась на уникальном историческом, археологическом и этнологическом материале и позже легла в основу монографии «Очерк истории формирования северных туркмен», вышедшей в 1961 г.¹⁷ А уже в 1967 г. Г.Е. Марковым была защищена докторская диссертация на тему «Кочевники Азии». В момент защиты диссертации ему едва исполнилось 44 года: между тем «в то время существовал неписанный, но достаточно строго соблюдаемый обычай допускать к защите таких диссертаций (докторских. — О.К., Т.С.) людей лишь по достижении ими полувекового возраста»¹⁸. В 1976 г. увидела свет фундаментальная монография Г.Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации»¹⁹, вызвавшая широкий резонанс в СССР и за рубежом. Г.Е. Марков стал основоположником нового научного направления в этнологии — номадологии (кочевниковеде-

¹⁵ Калиновская К.П. Научное открытие в контексте эпохи. О монографии Г.Е. Маркова «Кочевники Азии» (1976) // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти профессора Г.Е. Маркова. Сб. научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. СПб., 2018. С. 31.

¹⁶ Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С. 168.

¹⁷ Марков Г.Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.

¹⁸ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 200.

¹⁹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

ния). В книге на основе детального анализа экономики и социальной структуры наиболее известных кочевых в прошлом народов (арабов, казахов, монголов, туркмен и др.) ученый убедительно показал догматичность и ошибочность взглядов о существовании у кочевников феодальных или патриархально-феодальных отношений. Г.Е. Марков доказывал, что кочевники никогда не были феодально-зависимым населением, и предложил основательно верифицированную и блестяще аргументированную теорию социально-экономических отношений в кочевых обществах. Неординарным для своей эпохи был и взгляд Г.Е. Маркова на проблему включения туркменских племен в состав Российской империи: в монографии и ряде других публикаций он не побоялся впервые в отечественной науке выступить с публичным опровержением официальной партийно-советской точки зрения о якобы «добровольном присоединении» туркмен к России. Своими фундаментальными трудами, основанными на тщательном и глубоком осмыслении источников и историографии, Г.Е. Марков продемонстрировал, что советская этнография способна выйти за идеологизированные рамки. Авторитет его трудов за рубежом также подтверждает, что советская этнография не была чем-то изолированным и воспринималась как часть своего цеха западной антропологией. Самой возможности издания «Кочевников Азии» способствовали и внешние обстоятельства. Общество «зрелого социализма» оказалось на пересечении противоречивых тенденций. С одной стороны, «в то время вошла в моду формула “научный подход”. Новый лидер (Л.И. Брежнев. — О.К., Т.С.) демонстрировал уважение к ученым и профессионалам»²⁰. С другой стороны, в начале 1970-х гг. была насильственно оборвана начавшаяся в 1964 г. вторая дискуссия об азиатском способе производства. Появление и успех книги Г.Е. Маркова с ее радикальной новизной свидетельствовал, как минимум, об отсутствии прямой директивной цензуры. «Всевидящее око» партийных инстанций и властных структур контролировало гуманитарный сектор периферийным зрением (правда, и экспертный потенциал социогуманитарного знания становился все менее востребованным, но это уже другая история).

Академическая добротность исследовательского стиля Г.Е. Маркова (мощная эмпирическая база, широкое использование сравнительного материала, глубокая проработка историографии) практически не оставляла пространства для критики научной. Г.Е. Маркову, несмотря на неординарность подхода, удалось также избежать идеологических или культурно-ценностных инвектив. Он не был дис-

²⁰ Баграмов Э.А. Национальная проблематика прежде и теперь (субъективные заметки) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С. 56.

сидентом, но и не принадлежал к «касте» марксистов-догматиков, однако использовал эвристический потенциал этой влиятельной интеллектуальной доктрины, инкорпорируя ее концептуальные подходы в исследование, опровергавшее заезженные догмы. Используя марксизм, он никогда не «жонглировал» им, не ссылаясь к месту и не к месту на «пророков марксистского откровения» в «магико-охранительных» целях. Второе, исправленное и дополненное издание монографии Г.Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации» вышло в 2010 г.²¹, спустя значительное время и в совершенно другую эпоху, доказав тем самым, что его концепция была не сиюминутным построением, а стала фундаментальной теорией.

Научная и педагогическая карьера Г.Е. Маркова демонстрировала, что глобальная наука существовала, несмотря на идеологические и социокультурные барьеры времен «среднего» и «позднего» СССР. С середины 1960-х гг. Г.Е. Марков систематически читал лекционные курсы в европейских странах (ФРГ, Западном Берлине, ГДР, Австрии, Швейцарии, Югославии), немало поспособствовав росту интереса к отечественной этнологии за рубежом. В конце 1970-х гг. в течение года он исполнял обязанности директора Института этнологии Свободного университета Западного Берлина, где организовал ряд семинаров по российской тематике, привлечших пристальное внимание западных ученых. По его собственному признанию, никаких идейно-политических и концептуальных проблем в ходе научных контактов с западными коллегами, Г.Е. Марков не испытывал: «На Западе никаких проблем у меня не было. Дело в том, что я никогда не занимался агитацией, а излагал свою точку зрения, которая, впрочем, нисколько не противоречила существующим у нас позициям»²².

Г.Е. Марков успешно реализовал себя не только как выдающийся ученый и организатор науки, но и как блестящий педагог, давший старт «армии» студентов, десяткам аспирантов и докторантов. При этом он был носителем очень специфической педагогической модели: аристократически сдержанный и холодно отстраненный, он лишь транслировал цеховую традицию и передавал профессиональное знание, но не был наставником, покровителем или опекуном своих учеников. Он, кажется, даже не ставил цели влиять на умы, но вызывал неукротимое желание подражать такому исследовательскому и человеческому стилю. На историческом факультете Московского университета Г.Е. Марков читал курсы «История

²¹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

²² Аникин Н.В., Соловей Т.Д. Интервью с Г.Е. Марковым. С. 28.

первобытного общества» и «Основы этнографии», а также большое число курсов на кафедре этнографии/этнологии: «Историография науки о народах», «Этнография народов Зарубежной Азии», «История религиозных верований и религий» и др. Все его курсы отличало сочетание теоретической насыщенности с обширной эмпирической базой, безусловной цеховой принадлежности с необходимой этнологическому знанию междисциплинарностью. Его лекции, яркие и одновременно академически строгие, не могли не вызывать интерес и привлекали многих студентов на кафедру этнографии. Г.Е. Марков был одним из авторов всех вузовских учебников по этнологии, подготовленных кафедрой²³, и соредктором двух из них. Учебник 1982 г., вышедший под редакцией директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромляя и заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова знаменовал период тесного и органичного сотрудничества института и кафедры на пользу обеим институциям. У Г.Е. Маркова вышло также несколько авторских учебных пособий, в том числе «Народы Индонезии»²⁴, «История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе»²⁵. Его интерес к изучению материальной культуры опередил так называемый материальный поворот в западной антропологии.

Прекрасно осознавая пределы человеческих возможностей и чувствуя неумолимость времени, Г.Е. Марков обладал редкой способностью к самоограничению. Утратив потенциал для работы в поле, он переориентировался в область историографии, в которой также проявился его выдающийся исследовательский талант. Серия книг по истории немецкой этнологии и народоведения (включая трезвый и взвешенный анализ стигматизированного «нацистского периода»)²⁶, демонстрировала глубину и свободу интеллекта, не ангажированного идеологическими и ценностными презумпциями, а также иной «вкусовщиной».

С течением времени он оставил преподавание, сохранив статус профессора-консультанта, реально способствуя становлению молодых преподавателей и исследователей. Благодаря самодисциплине и

²³ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968; Этнография / Под ред. Ю.В. Бромляя и Г.Е. Маркова. М., 1982; Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994; Основы этнологии / Под ред. В.В. Пименова. М., 2007.

²⁴ Марков Г.Е. Народы Индонезии. Учеб. пособие. М., 1963.

²⁵ Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

²⁶ Марков Г.Е. Очерки истории науки о народах. Немецкая этнология. М., 1993; Он же. Очерки истории науки о народах. Немецкое народоведение. М., 1993; Он же. Немецкая этнология. Учеб. пособие для вузов. М., 2004.

аскесе Геннадий Евгеньевич прожил долгую жизнь, сохранив ясность ума и работоспособность до последних дней. Он ушел 3 апреля 2018 г., когда оставалось около трех месяцев до его 95-летнего юбилея.

Если вернуться к периоду расцвета научной и педагогической карьеры Г.Е. Маркова и говорить о динамике научного дискурса 1970-х — первой половины 1980-х гг., то ее содержанием стал расширение дисциплинарных границ советской этнографии. Концепция этноса — основополагающее теоретическое направление в ее арсенале, — рассматривающая этнос как сложную социальную систему и целостность, стимулировала формирование на периферии этнографии суб- и пограничных дисциплин (этносоциологии, этносоциолингвистики, этнопсихологии, этнодемографии, этноэкологии и др.). Отечественными учеными они рассматривались как важный инструмент анализа современности, изучение которой в рамках этнологии стало одним из императивов того времени. Без обращения к изучению современности, современных форм проявления этничности этнология рисковала превратиться в дисциплину, пытающуюся ухватить уходящую архаику. Расширение исследовательских горизонтов было характерно не только для советской этнографии, а в еще большей степени для западной антропологии. Выделились и самоопределились на уровне самостоятельных научных обществ городская, гендерная, медицинская, политическая и другие антропологии. Предметное расширение дисциплины воспринимало не всё цеховое сообщество у нас, неоднозначно оно воспринималось и на западе. «Сами же западные антропологи начали жаловаться, что теперь антропологией стали называться почти все отрасли гуманитарного знания, и следует более четко определять собственные дисциплинарные границы, чтобы не потерять дисциплину вообще», — говорил В.А. Тишков в одном своем интервью²⁷. Значило ли это, что размываются предметные рамки этнологии или возникает угроза такого размывания? Опасение, безусловно, возникает, — опасение, но не приговор. Определенным ориентиром того, до какой степени простираются границы такого расширения без угрозы потери предмета, могут быть ответы на вопросы, насколько результаты субдисциплин помогают понять функционирование этничности в современном мире, описывают характер и параметры его культурного многообразия, насколько они базируются на традициях дисциплины, демонстрируют преимущество и вносят вклад в историографический багаж своего цеха. Подобный тест, например, проходят этнодемография (исследование этнического состава

²⁷ Тишков В.А. Разговоры с этнографами. СПб., 2022. С. 198.

и его картографирование, изучение переписей населения в работах С.И. Брука и П.И. Пучкова и др.) и этносоциология (изучение этничности и других идентичностей методами социологических опросов в трудах Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой и др.), хотя исследовательские сферы, демонстрирующие с ними преемственность, уже и не принято обозначать прежними наименованиями.

В структуре учебной подготовки и научной деятельности кафедры начиная с 1970-х гг. все более важное место также занимало исследование современности, что было реакцией университетской этнографии на формирование круга новых научных проблем. В силу естественного консерватизма системы образования включение тем по современности в профессиональную подготовку происходило с некоторым запозданием по сравнению с формированием соответствующих направлений в головном институте.

Поскольку новые курсы носили преимущественно теоретический характер — теория этноса и общие проблемы этнографии (Ю.В. Бромлей), современные этнические процессы (К.И. Козлова), вопросы теории и методологии комплексного изучения новой исторической общности «советского народа» (Л.П. Лашук), то формально они попадали под теоретико-историографическое направление деятельности кафедры. Однако то значительное внимание, которое в этих курсах уделялось социологическим методам, а также специальный курс о социологических аспектах современной этнографии (Л.П. Лашук) претендовали на оформление качественно нового вектора университетской науки — этнической социологии. Институциональное оформление в виде самостоятельной структуры это направление получит только на исходе 1980-х гг.

Характеристика 1960–1980-х гг. как времени расцвета отечественной этнографии (и университетской кафедры этнографии как части дисциплинарного дискурса) не означало отсутствия сложностей и диалектических противоречий ее развития. Этот же период знаменовался нарастающим с начала 1970-х гг. дистанцированием государства от гуманитарного знания. Это было особенно заметно в отношении глубокого изучения этнического аспекта советской современности. Официальная партийная установка в области национальных отношений рисовала их в благостном и облегченном виде. Роль этнографии в изучении современности пытались ограничить подбором иллюстраций, свидетельствовавших о решении национального вопроса в СССР, аналитические доклады ученых о существующих проблемах и потенциальных угрозах в области межэтнических отношений зачастую игнорировались партийными и государственными органами. Подобное ограничение, конечно, не

остановило концептуализацию современности, но сковывало ее, а невостребованное эмпирическое знание снижало роль экспертного потенциала этнографической науки.

После крушения Советского Союза академической этнологии некоторое время еще удавалось сохранять относительно привилегированные (по сравнению с другими гуманитарными дисциплинами) отношения с государством, что было связано с назначением в 1992 г. директора Института этнологии и антропологии РАН (Институт этнографии получил свое нынешнее название в 1990 г.) В.А. Тишкова на пост министра по делам национальностей, а также с напряженностью в национально-федеративных отношениях в РФ, что обеспечивало определенный спрос на этнологическое знание. Однако во второй половине 1990-х гг. запрос на специализированное экспертное знание стал снижаться.

Поразивший общество и страну кризис рубежа 1980–1990-х гг. проявился в Московском университете в смягченных формах. Включенность в систему МГУ с его солидной материально-технической базой, традиционный консерватизм высшего образования и некоторая организационная обособленность от академической науки помогли обеспечить относительную устойчивость университетской этнологии. Социально-политические изменения оказали даже некоторое стимулирующее воздействие на характер и содержание учебного процесса, исследовательскую тематику кафедры этнографии истфака.

Задача руководить кафедрой (в 1992 г. переименованной в кафедру этнологии) в 1986–2005 гг., в эпоху бурных перемен и политических катаклизмов, выпала на долю профессора В.В. Пименова²⁸. Взрыв национализмов в пространстве бывшего Советского Союза резко актуализировал этнополитическую и этносоциологическую проблематику, а также изучение современности в целом, что нашло свое выражение в структурных и учебных новациях на кафедре этнографии. В программе появляются такие курсы, как «Введение в этносоциологию», «Основы этнодемографии», «Основы прикладной этнологии», «Этноконфликтология» и др. По некоторым из них были изданы учебные пособия²⁹. На фоне изменения отношения к религии в России и усиления роли религии в обществе в учебной и научно-

²⁸ Подробнее о нем см.: Больше чем этнограф. Сб. науч. статей, посвященный памяти профессора В.В. Пименова / Отв. ред. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. М., 2015; *Пименов В.В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки* / Сост., отв. редактор, автор эпилога Т.С. Гузенкова. СПб., 2015.

²⁹ См., например: *Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии*. М., 1994.

исследовательской работе кафедры расширяется религиоведческая тематика, хотя это направление на кафедре идет еще от С.А. Токарева. С 1970-х гг. Г.Е. Марков читал курс «История религиозных верований и религий». В 1990 — начале 2000-х гг. добавляются курсы, посвященные отдельным религиям (в том числе в их народной, бытовой форме) и религиозной ситуации в разных регионах. Включение в программу пограничных дисциплин отразилось на характере экспедиционной деятельности кафедры, а также тематике курсовых и дипломных работ.

Именно усилиями В.В. Пименова была реализована давняя (еще первой половины 1970-х гг.) идея формирования специализированного этносоциологического подразделения. В конце 1980-х гг. при кафедре была создана этносоциологическая лаборатория, организовавшая стационарную экспедицию (руководители В.В. Пименов и В.Р. Филиппов) в подмосковном совхозе «Щапово» с целью глубокого исследования межэтнических отношений в этностабильном регионе. Межэтнические отношения находились также в фокусе внимания таких кафедральных экспедиций, как Азербайджанская (руководитель В.В. Карлов), Башкирская (В.В. Пименов), Бурятская (А.А. Никишенков), Горно-Алтайская, Восточно-Казахстанская, Ногайская (все три возглавлял Г.Е. Марков). Расширение тематики этнологического изучения современности знаменовалось реорганизацией в 1995 г. этносоциологической лаборатории в Учебно-научный центр прикладной этнологии (его бессменным руководителем была Л.Б. Заседателева³⁰), трансформированный в 2013 г. в лабораторию прикладной этнологии.

В 2006–2013 гг. кафедрой заведовал профессор А.А. Никишенков³¹. Историк науки и крупный знаток британской социальной антропологии, уже в советский период имевший репутацию человека «не отсюда», он воплотил трансформирующуюся профессиональную идентичность и подготовил антропологический разворот кафедры этнологии. А.А. Никишенков выступал одновременно хранителем и критиком отечественной научной традиции, «балансируя на этой самой границе двух интеллектуальных миров»³² (русской этнологии и западной социальной/культурной антропологии). Ему

³⁰ Подробнее о ней см.: Махмудова З.У., Туторский А.В. К истории этнологического образования в Московском университете. Памяти профессора Л.Б. Заседателевой (1933–2022) // Этнография. Кунсткамера. 2022. № 4. С. 219–235.

³¹ Подробнее о нем см.: А.А. Никишенков. «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». Сб. статей, посвященный памяти профессора А.А. Никишенкова / Отв. ред. Е.В. Миськова, А.В. Туторский. М., 2017.

³² Цит. по: Миськова Е.В. А.А. Никишенков. «Двусмысленности нашего ремесла». Грани отечественной историографии в этнологии // А.А. Никишенков: «Изобретая традицию»... С. 40.

удавалось поддерживать разумный баланс этнологии и социокультурной антропологии в содержании учебного процесса и в исследовательских императивах сотрудников кафедры. В своей готовности к компромиссу и диалогу он исходил из понимания того обстоятельства, что в отличие от естественных наук социогуманитарное знание не носит универсального характера, а концептуальные подходы и инструментарий западной социокультурной антропологии, возникшие в иных этно-историко-культурных условиях, не всегда и не обязательно можно адаптировать к отечественным реалиям и имплементировать в отечественную научную традицию. При подобном подходе трансформация системы профессиональной подготовки могла происходить постепенно, эволюционно и в смягченных формах, а профессиональная идентичность этнолога не вытесняется идентичностью антрополога, а дополняется ею.

Процесс антропологического разворота кафедры был форсирован, когда с 2013 по 2020 г. ее возглавлял профессор Д.А. Функ, антрополог и этнолог-сибиревед, выходец из профильного академического института, ныне — директор ИЭА РАН. Последовательный сторонник перехода российской этнологии на «антропологические рельсы», он способствовал инкорпорированию в учебный процесс концептуальных подходов западной социокультурной антропологии и продвижению целого ряда антропологических субдисциплин, в том числе лингвистической и психологической антропологии, антропологии города и миграций, антропологии религии, антропологии медиа, антропологии образования. Его исследовательское кредо составил отказ от «этничности» как единственного критерия выбора объекта исследований, но де-факто это означало постепенное вытеснение изучения этнического на кафедре этнологии.

Однако именно этническое во второй половине прошлого столетия формировало предметную рамку отечественной этнографии/ этнологии, составляло основу концептуального единства, определяло границы и структуру исследовательского поля. В свою очередь эта концептуальная оснастка лежала в основании системы профессионального этнологического образования, тематизировала содержание учебного процесса. Многие этнологи и антропологи, определяющие сегодня облик цеховой дисциплины, прошли профессиональную выучку в 1970–1980-х гг., когда, по выражению В.А. Тишкова, этнос выступал как «фундаментальный архетип и предметобразующее понятие»³³. Очень многие крупные этнологи, критикующие консер-

³³ Тишков В.А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 18.

ватизм университетской модели этнографического образования, обязаны своей высокой профессиональной квалификацией кафедре этнографии МГУ.

Бесспорно, советская этнография нуждалась в обновлении, ее было за что критиковать: необходимо было уйти от избыточного догматизма оценок, избавиться от табуирования ряда тем (особенно в части изучения современности), расширить концептуальный арсенал, обеспечить широкий диалог с западной этнологией и социокультурной антропологией. В уточнении нуждалось само содержание предмета этнографии/этнологии. Замечание С.А. Токарева о том, что «этнография, т.е. изучение быта народов, — наука с очень широкими и неопределенными границами. О точном определении этих границ до сих пор спорят между собой сами этнографы», трудно объяснить лишь присущей С.А. Токареву «добросовестностью», как это склонен был полагать В.Н. Басилов³⁴. Скорее это было связано с его пониманием подвижности этих границ, не остающихся одинаковыми в разные эпохи. Дискуссия о дисциплинарных рамках этнографии/этнологии, ее состоянии и перспективах велась на рубеже 1980–1990-х гг. и вовлекла в свою орбиту широкий круг профессионалов. Будучи инициированной директором профильного института академиком Ю.В. Бромлеем³⁵, она носила поначалу научно-содержательный характер, предполагая уточнение предмета этнографии, но не элиминирование всего советского теоретического багажа и не покушалась на дисциплинарные основы. Однако с начала 1990-х гг. в дискуссии стал преобладать критический тон, предлагались рецепты «перестройки» этнологии, фактически взламывающие профессиональную идентичность³⁶, предлагался категорический выбор полного принятия или полного отторжения.

В связи с упомянутой дискуссией отметим профессионально сдержанную и идеологически не ангажированную позицию Г.Е. Маркова, продемонстрированную в ходе экспертного опроса, проведенного В.Р. и Е.И. Филипповыми, где экспертов спрашивали о перспективах этнографии и этнологии в России, о существовании в отечественной этнологии теоретических концепций, в частности, единой «советской» теории этноса. В ответ на вопрос, работы каких

³⁴ См.: *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 4. С. 7.

³⁵ *Бромлей Ю.В.* О предмете этнографии в свете логико-системного анализа // *Советская этнография.* 1988. № 1. С. 62–69; *Крюков М.В.* Советская этнографическая наука нуждается в перестройке // *Советская этнография.* 1988. № 1. С.55–62.

³⁶ *Басилов В.Н.* Указ. соч.; *Козлов В.И.* Между этнографией, этнологией и жизнью // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 3. С. 3–14; *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 1. С. 5–20.

российских исследователей содержат наиболее полное и последовательное изложение теоретических концепций, Г.Е. Марков дал ясный, хотя и несколько категоричный, ответ: «То, что в горах испанской по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С.М. Широкогорова. Всё остальное — игра слов и придумывание нелепых терминов. Всё это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой»³⁷. А позднее, в своем последнем интервью, демонстрируя здоровый скепсис в отношении остро дискуссионного вопроса о природе этноса/этничности и праве на существование понятия «этнос», Г.Е. Марков сказал, что «вопрос переусложнен, в частности, неудачной терминологией» и пояснил: «Ведь что такое этнос? Просто народ, самый обыкновенный народ и ничего кроме народа»³⁸. Вся научная карьера Г.Е. Маркова показывает, что он был чужд догматизации. Не удивительно, что он с иронией относился к предполагающим взаимоисключение спорам примордиалистов и конструктивистов. Ведь гибкая и пластичная природа этнического загоняется в схемы только с многочисленными допущениями и оговорками. Демонстрируя здоровый консерватизм, Г.Е. Марков учил рациональному, спокойному и взвешенному восприятию советского наследия в этнологии. Основным достижением советской этнографии он считал «великолепные результаты полевых исследований», а ее сильной стороной — «монографическое (комплексное) исследование объекта» (очевидно, здесь сказывалось влияние немецкой академической традиции). Крупнейшим («мирового значения») теоретическим достижением советской этнографии Г.Е. Марков называл концепцию «хозяйственно-культурных типов» М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова³⁹.

Наследие самого Г.Е. Маркова очень важно для выстраивания современной траектории развития кафедры этнологии. Перед университетской этнологией сегодня стоит связка сложных задач. Как сохранить преемственность с великими предшественниками и обеспечить успешную трансляцию кафедральной традиции? Как при этом не потерять восприимчивость к новым тенденциям? Как обеспечить устойчивое развитие кафедры, проявив адаптивность к меняющемуся социокультурному контексту и открытость вызовам в развитии этнологии/антропологии как дисциплины, но не дезориентировав студентов и аспирантов? Как быть открытыми переменам без разрыва цехового континуитета?

³⁷ Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 8.

³⁸ Соловей Т.Д., Аникин Н.В. Интервью с Г.Е. Марковым. С. 31.

³⁹ Там же. С. 30.

Концепция преподавания на кафедре этнологии исторического факультета Московского университета и в настоящее время строится на тех традициях, которые несли и передавали следующим поколениям наши предшественники. Это сочетание теоретических курсов и региональных, внимание к изучению традиционного и современного. Это неизменное изучение этнического, включая теоретический уровень осмысления этноса и этничности. Причем это видится не просто как дань кафедральной традиции, но как императив изучения многоэтничной российской нации и поликультурного современного мира, безусловно, глобализированного и в отдельных сферах стандартизированного, но продолжающего осмысливать свое многообразие через призму этнических и других культурных различий. Эти — другие — культурные различия мотивировали кафедру на включение в исследовательское поле и учебную программу изучения других культурных идентичностей: языковых, религиозных, гендерных, локальных и т.д. Мы не противопоставляем этнографию, этнологию и социокультурную антропологию, а выстраиваем из них единую линию. Профессиональное становление студентов идет от постижения этнографической эмпирики через этнологический анализ к антропологическим концептуализациям. Социокультурная антропология с ее многочисленными субдисциплинами в высшей степени междисциплинарна. Но к междисциплинарности можно приступать, освоив базу. Такой базой в программе кафедры этнологии выступает освоение этнографического многообразия мира, а к нему добавляются антропологические курсы, основанные на междисциплинарности. Междисциплинарность всегда была характерна для нашей дисциплины, и она давно стала неотъемлемой частью нашего учебного плана. В настоящее время появляются и новые формы научного синтеза. Так, кафедра участвует в междисциплинарной научно-образовательной школе Московского университета «Сохранение мирового культурного наследия».

Конкурентное преимущество нашей кафедры по сравнению с другими учебными центрами, где преподается этнология/социокультурная антропология, — это ее нахождение в составе исторического факультета. Западной антропологии понадобились десятилетия, чтобы развернуться к истории. Отечественная этнография это сделала гораздо раньше, и университетская кафедра не меняла свою аффилиацию в угоду модным веяниям. Фундаментальное историческое образование позволяет нашим выпускникам видеть динамику культурного многообразия в историческом контексте, оно дает основу, которая уберегает превращение междисциплинарности в механистическую сумму основ разных областей знания. Сочетание

фундамента исторического образования, освоение идей и теоретического инструментария социальной и культурной антропологии и глубокое знакомство с эмпирическим этнографическим материалом и методом этнографического исследования делают реалистичной постановку задачи придания содержанию учебной подготовки практикоориентированного характера, что тесно связано с перспективами трудоустройства выпускников кафедры, их желанием и возможностями оставаться в профессии.

Для нас, авторов этой статьи, всю свою жизнь проработавших на кафедре этнологии исторического факультета, бывшей аспирантки Г.Е. Маркова, а сейчас профессора кафедры Т.Д. Соловей, и заведующей кафедрой О.Е. Казьминой, видится важным передать нашим ученикам традиции, заложенные выдающимися предшественниками, сохранить нить преемственности, одновременно двигаясь вперед. Осмысление научного вклада и профессиональной биографии Геннадия Евгеньевича Маркова выстраивает надежные ориентиры на этом пути.

References

Aleksey Alekseyevich Nikishenkov. "Izobretaya traditsiyu" i sozdavaya "voobrazhayemoye soobshchestvo". *Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati professora A.A. Nikishenkova* [Aleksei Alekseyevich Nikishenkov. "Inventing Tradition" and Creating an "Imagined Community". Collection of Articles Dedicated to the Memory of Professor A.A. Nikishenkov] / Ed. by E.V. Mis'kova, A.V. Tutorskiy. Moscow: Novyy khronograf, 2017. 272 p.

Anikin N.V., Solovey T.D. *Avtoritetnyy issledovatel', talantlivyy pedagog i krupnyy organizator nauki. (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti doktora istoricheskikh nauk, professora G.E. Markova)* [Authoritative Researcher, Gifted Teacher and Major Organizer of Science (To the 90th Anniversary of the Birth and 60th Anniversary of Scientific and Pedagogical Activity of Doctor in History, Professor G.E. Markov)] // *Problemno-tematicheskoye prostranstvo i teoreticheskiye granitsy sovremennoy etnologii. K yubileyu professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Problem-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Modern Ethnology. To the Anniversary of Professor G.E. Markov. Collection of Scientific Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. P. 7–12.

Anikin N.V., Solovey T.D. *Interv'yū s G.E. Markovym* [Interview with G.E. Markov] // *Problemno-tematicheskoye prostranstvo i teoreticheskiye granitsy sovremennoy etnologii. K yubileyu professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Problem-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Modern Ethnology. To the Anniversary of Professor G.E. Markov. Collection of Scientific Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. P. 23–31.

Bagramov E.A. *Natsional'naya problematika prezhe i teper' (sub'yektivnyye zametki)* [National Problematics Before and Now (Personal Notes)] // *Akademik Yu.V. Bromley i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-ye gody* [Academician

Yu.V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s] / Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003. P. 47–87.

Basilov V.N. *Etnografiya: yest' li u neye budushcheye?* [Ethnography: Does It Have a Future?] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N. 4. P. 3–17.

Basilov V.N. S.A. *Tokarev kak predstavitel' russkoy kul'tury* [S.A. Tokarev as a Representative of Russian Culture] // *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. (O Sergeye Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* ["We Thank Fate for Meeting Him" (About Sergey Aleksandrovich Tokarev, Scholar and Man)] / Ed. by S. Ya. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: IEA RAN, 1995. P. 31–41.

Bol'she chem etnograf. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny pamyati professora V.V. Pimenova [More Than an Ethnographer. Collection of Scientific Articles Dedicated to the Memory of Professor V.V. Pimenov] / Ed. by V.V. Karlov, T.S. Guzenkova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 301 p.

Bromley Yu.V. *O predmete etnografii v svete logiko-sistemnogo analiza* [On the Subject of Ethnography in the Light of Logical and Systemic Analysis] // *Sovetskaya etnografiya*. 1988. N 1. P. 62–69.

Etnografiya [Ethnography] / Ed. by Yu.V. Bromley, G.E. Markov. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 320 p.

Etnologiya [Ethnology] / Ed. by G.E. Markov, V.V. Pimenov. Moscow: Nauka, 1994. 384 p.

Filippova E.I., Filippov V.R. *Kamo gryadeshi?* [Quo vadis?] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 6. P. 3–17.

Kalinovskaya K.P. *Nauchnoye otkrytiye v kontekste epokhi. O monografii G.E. Markova "Kochevniki Azii" (1976)* [Scientific Discovery in the Context of the Epoch. On G.E. Markov's Monograph "Nomads of Asia" (1976)] // *Revol'yutsii svetskoye, religioznye, nauchnyye. Dinamika gumanitarnogo diskursa. Pamyati professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Secular, Religious and Scientific Revolutions. Dynamics of Humanitarian Discourse. In Memory of Professor G.E. Markov. Collection of Scholarly Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Saint Petersburg: Aleteia, 2018. P. 31–32.

Kaz'mina O.E., Puchkov P.I. *Osnovy etnodemografii* [Fundamentals of Ethnodemography]. Moscow: Nauka, 1994. 254 p.

Kozlov S. Ya. *Sergey Aleksandrovich Tokarev: "etnograficheskii universitet"* [Sergei Aleksandrovich Tokarev: "Ethnographic University"] // *Vydayushchiyesya otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the Twentieth Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 397–450.

Kozlov V.I. *Mezhdru etnografiyey, etnologiyey i zhizn'yu* [Between Ethnography, Ethnology and Life] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 3. P. 3–14.

Makhmudova Z.U., Tutorskiy A.V. *K istorii etnologicheskogo obrazovaniya v Moskovskom universitete. Pamyati professora L.B. Zasedatelevoy (1933–2022)* [On the History of Ethnological Education at Moscow University. In Memory of Professor L.B. Zasedateleva (1933–2022)] // *Etnografiya*. 2022. N 4. P. 219–235.

Markov G.E. *Istoriya khozyaystva i material'noy kul'tury v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve* [History of Economy and Material Culture in Primitive and Early Class Society]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1979. 304 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of Economy and Social Organisation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 320 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of Economy and Social Organisation]. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Krasand, 2010. 316 p.

Markov G.E. *Narody Indonezii: uchebnoye posobiye* [Peoples of Indonesia: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 40 p.

Markov G.E. *Nemetskaya etnologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [German Ethnology: A Textbook for Universities]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2004. 576 p.

Markov G.E. *Ocherk istorii formirovaniya severnykh turkmen* [Essay on the History of Formation of the Northern Turkmens]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. 208 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskaya etnologiya* [Essays on the History of Ethnology. German Ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1993. 391 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskoe narodovedenie* [Essays on the History of Ethnology. German Ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1993. 136 p.

Markov G.E. *Pamyatniki kamennogo veka v Zapadnoy Turkmenii i problema tipologii arkhologicheskikh kul'tur v mezolite i neolite* [Stone Age Monuments in Western Turkmenistan and the Problem of Typology of Archaeological Cultures in Mesolithic and Neolithic] // *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan]. Issue 12. Tashkent: FAN, 1975. P. 60–67.

Mis'kova E.V. A.A. Nikishenkov. "Dvusmyslennosti nashego remesla". *Grani otechestvennoy istoriografii v etnologii* [A.A. Nikishenkov. "The Ambiguities of our Craft". Facets of Russian Historiography in Ethnology] // *Aleksey Alekseyevich Nikishenkov. "Izobretaya traditsiyu" i sozdavaya "voobrazhayemoye soobshchestvo". Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati professora A.A. Nikishenkova* [Aleksii Alekseyevich Nikishenkov. "Inventing Tradition" and Creating an "Imagined Community". Collection of Articles Dedicated to the Memory of Professor A.A. Nikishenkov] / Ed. by E.V. Mis'kova, A.V. Tutorskiy. Moscow: Novyy khronograf, 2017. P. 37–58.

Osnovy etnografii [Fundamentals of Ethnography] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Vysshaya shkola, 1968. 360 p.

Osnovy etnologii [Fundamentals of Ethnology] / Ed. by V.V. Pimenov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 688 p.

Pimenov V.V. *Moya professiya — etnograf. Ochen' lichnyye zametki o ne slishkom davnem proshlom, nastoyashchem i budushchem otechestvennoy etnograficheskoy nauki* [My Profession is Ethnography. Very Personal Notes on the Not Too Long Past, Present and Future of Russian Ethnographic Studies] / Compiled, ed., and concluded by T.S. Guzenkova. Saint Petersburg: Avropa, 2015. 320 p.

Rappoport Yu.A., Semenov Yu.I. *Sergey Pavlovich Tolstov: vydayushchiysya etnograf, arkholog, organizator nauki* [Sergei Pavlovich Tolstov: Outstanding Ethnographer, Archaeologist, Organizer of Science] // *Vydayushchiysya otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 184–233.

Reshetov A.M. *Nikolay Nikolayevich Cheboksarov: portret uchenogo v kontekste yego vremeni* [Nikolay Nikolayevich Cheboksarov: A Portrait of a Scientist in the Context of His Time] // *Vydayushchiysya otechestvennyye etnologi i antropologi XX*

veka [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 358–397.

Semenov Yu.I. *O moyem “puti v pervobytnost”* [On My “Way into Primitiveness”] // *Akademik Yu.V. Bromley i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-ye gody* [Academician Yu.V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s] / Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003. P. 164–212.

Solovey T.D. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoj etnografii v disciplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI vv.)* [Power and Science in Russia. Essays on University Ethnography in Disciplinary Context (19th — Early 21st Centuries)]. Moscow: Prometey, 2004. 499 p.

Tishkov V.A. *Razgovory s etnografami* [Conversations with Ethnographers]. Saint Petersburg: Aleteia, 2022. 296 p.

Tishkov V.A. *Rossiyskaya etnologiya: status discipliny, sostoyaniye teorii, napravleniya i rezul'taty issledovaniy* [Russian Ethnology: Status of Discipline, Theory State, Directions and Research Results] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2003. N 5. P. 3–23.

Tishkov V.A. *Sovetskaya etnografiya: preodoleniye krizisa* [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 1. P. 5–20.

Tokarev S.A. *Etnografiya narodov SSSR. Istoricheskiye osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the Peoples of the USSR. Historical Bases of Everyday Life and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 616 p.

Tokarev S.A. *Istoki etnograficheskoy nauki (do serediny XIX v.)* [Sources of Ethnography (Up to the Mid-19th Century)]. Moscow: Nauka, 1978. 168 p.

Tokarev S.A. *Istoriya russkoy etnografii (dooktyabr'skiy period)* [History of Russian Ethnography (Pre-October Period)]. Moscow: Nauka, 1966. 454 p.

Tokarev S.A. *Istoriya zarubezhnoy etnografii: uchebnoye posobiye* [History of Foreign Ethnography: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 1978. 352 p.

Tokarev S.A. *Ranniye formy religii i ikh razvitiye* [Early Forms of Religion and Their Development.]. Moscow: Nauka, 1964. 397 p.

Tokarev S.A. *Religioznyye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov XIX — nachala XX veka* [Religious Beliefs of the East Slavonic Peoples in the 19th and Early 20th Century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. 163 p.

Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1964. 624 p.

Поступила в редакцию
17 марта 2023 г.